

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

«ВАРВАРЫ» И «ВАРВАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

Греки и римляне ясно осознавали отличие своих общностей от других народов, именуемых «варварами». Такое понимание было закреплено в различных политических теориях. К IV в. во взаимоотношениях Римской империи и варваров произошли значительные изменения. Варвары все больше проникают в римское общество. Даже в вопросе о престолонаследии после смерти Константина I в 337 г. важную роль сыграл префект претория германец Флавий Урсус, ставший на следующий год римским консулом.¹ Подобные изменения не могли остаться незамеченными мыслителями той эпохи. Большой интерес представляет образ «варвара» в политической концепции последнего языческого императора на римском троне Флавия Клавдия Юлиана (331—363 гг.). Нужно сразу заметить, что на восприятие Юлианом варварского мира оказала немалое влияние античная традиция. Прежде всего это идеи Платона² и Аристотеля³ о неспособности варваров по своей природе быть равноценными грекам людьми и склонности варваров к рабству. Затем отметим римский консерватизм, направленный на сохранение своей общности, недопущение в нее чужеземцев,⁴ влияние римской стои Марка Аврелия, с ее достаточно толерантным отношением ко всем без исключения людям.⁵

Сам Юлиан неоднократно сталкивался с различными народами на севере Римской империи. История, военное дело, быт, верования, язык «варваров» нашли свое отражение в различных его произведениях. «Философ на троне» использовал свое знакомство с этими народами для подтверждения некоторых положений своей политической концепции, в полемике с оппонентами и в борьбе с противниками. Рассуждения Юлиана о «варварах» Балкан, Галлии, Германии и Скифии мы в основном встречаем в следующих работах:

— в письмах периода цезарата в Галлии (355—361 гг.). Эти письма адресованы друзьям по философским занятиям в Афинах Эвмению и Фарияну;

— в первом политическом манифесте Юлиана — письме «К Афинам и афинянам» (осень 361 г.), где наибольший акцент делается на критике императора Констанция II, с которым в это время у Юлиана шло открытое военное противоборство. К этому же периоду относится письмо Юлиана к Констанцию, дошедшее до нас в изложении Аммиана Марцеллина;

— в письмах периода, когда Юлиан стал единодержавным правителем (конец 361—лето 363 г.): неоплатонику, «чудотворцу» и своему духовному наставнику Максиму Эфесскому; главному жрецу Феодору; знаменитому антиохийскому ритору и другу Либанию;

— в политической сатире «Антиохиец, или Ненавистник бороды» (зима 363 г.), где едко высмеивались жители Антиохии, не принявшие образа жизни и мышления своего суверена.⁶

В 355 г. осложнилась внешнеполитическая обстановка в империи. В то время как император Констанций II вел войну с Персией, на северных границах активизировались германцы. Чтобы укрепить северные рубежи, Констанций послал в Галлию своего двоюродного брата Юлиана.

В письме «К Афинам и афинянам» Юлиан рисует страшную картину разорения и запустения некогда цветущей провинции Галлия, силу и могущество германцев, с которыми молодому и неопытному цезарю пришлось иметь дело. После набегов множество германцев осталось жить вокруг кельтских городов, которые они опустошили. «Большое число мест, укрепленных земляным валом (около 45), не считая мелких укреплений, растянувшихся по всей земле, обрабатываемой варварами по эту сторону Рейна, образуют подвижную зону от истоков реки до берегов океана. Враг размещался в 300 стадиях от нас по р. Рейн. Они создали между собой и нами пустыню в три раза еще большую посредством грабежа местности, чтобы кельты не могли пасти свой скот. Другие города были оставлены их жителями, хотя варвары еще не захватили их окрестности».⁷

Подобное описание действий варваров должно было дискредитировать Констанция, который не смог выполнить свои обязанности императора — защитника подданных. С другой стороны, Юлиан хотел подчеркнуть свои заслуги в деле борьбы с варварами, хотя сделанные им успехи были во многом подготовлены всей предшествующей политикой Константина I и Констанция II.⁸

Юлиан проводит несколько успешных кампаний против варваров. Он захватил на р. Рейн город Агриппина и затем Аргенторат у подножия горы Восгес. Взял в плен вождя германцев Хнодомара. Юлиан отмечает, что мог бы поводить поверженного врага по городам и селениям Галлии, даже просто убить. Но он отослал его к Констанцию, и тот отпраздновал триумф. Хотя, по мнению Юлиана, сам Констанций, в то время как цезарь вел в Галлии тяжелые бои с германцами, совершил простое путешествие, а не боевой поход, так как народы Истра квады и сарматы хорошо его приняли.⁹ Этот пассаж наглядно показывает тенденциозность и вполне определенную направленность описания Юлианом «варварской угрозы», поскольку в римской военно-политической практике именно император отмечал триумфами победы, даже если их одержал не он лично.

В это время суровый и справедливый полководец Юлиан, так он себя представляет жителям Афин, окончательно изгнал всех варваров из Галлии, восстановил большинство городов, привел корабли с продовольствием из Британии по Рейну, чего уже давно не делалось из-за угрозы нападения германцев. Опасавшийся варваров Констанций, по совету префекта претория Флоренция, поручает Юлиану уплатить им 2000 либр серебра, чтобы они не тронули транспорта с продовольствием. Юлиан не исполнил этого распоряжения императора, а с войском выступил против германцев, подчинил часть народа салиев, изгнал шамаев, захватил большое количество скота и пленных. Ему удалось настолько запугать варваров, что те дали заложников и обеспечили безопасность подвоза хлеба из Британии. Юлиан отмечает, что не намерен, как Фонстанций, «целелять» варваров. Силой римского меча цезарь добился возвращения 20 000 пленных, выиграл две битвы, вернул Риму и заставил варваров отстроить 40 городов, взял заложников и пленных. Саму опасность похода за Рейн (а их Юлиан совершал трижды) он мастерски подчеркивает в одном не поддающемся датировке отрывке. Описание страшного Геркинского леса, по сравнению с которым ничто даже Фессалийские Темпей, Фермопильское ущелье или Тавр, должно было еще больше оттенить всю опасность предприятий и доблесть полководца.¹⁰

Самым сильным моментом антиконстанциевской пропаганды было обвинение императора в пособничестве варварам. Сторонники Юлиана перехватили письма, отправленные Констанцием германцам, где он их призывает опустошить Галлию и за соотвествующую мзду убить Юлиана.¹¹

В письме к самому Констанцию подобных обвинений не было. Юлиан лишь напоминает ему о своих воинских трудах, подчеркивает свое личное участие, свою роль в деле укрепления армии отрядами германцев, перешедших на сторону римлян.¹² Став единоличным правителем, он не забывает напомнить о своих успехах в борьбе с варварами. Так, он писал Максиму, что после провозглашения императором сразу отправился в поход против франков-аттуриев и провел три месяца в боях.¹³ Таким образом, Юлиан показывает, что первоочередной обязанностью доблестного суверена является защита подданных от варваров.

Другая важная сторона отношения к «варварам» связана с представлением Юлиана о культурном уровне доблестного гражданина и императора. Здесь у Юлиана «варварство» выступает как символ необразованности. Так, во время пребывания в Галлии Юлиан не имел возможности заниматься ни словесностью, ни риторикой, ни поэзией. Цезарь даже сам удивляется, как он еще не научился говорить по-эллински. А грубость своих шуток он относит на счет кельтской варварской музыки.¹⁴ В своей настойчивой пропаганде филантропии Юлиан прибегает к не очень-то лестным сравнениям. В критике своих сограждан из-за прохладного отношения к странникам и бедным он сравнивает их со скифами и считает еще менее гостеприимными, чем варвары с Понта.¹⁵

Иной оттенок «варвары» и «варварство» кельтов и германцев, жителей Балкан приобретают в «Антиохийце». В этой едкой сатире на «культурных» антиохийцев «дикость» и «варварство»

романизированных жителей окраин используются Юлианом для демонстрации всей глубины нравственного падения жителей этого города. Здесь Юлиан следует традиции Тацита, обличавшего современные ему нравы с помощью идеализации варваров.¹⁶ Так, «дикость» кельтов легче примирилась с неприязнительностью Юлиана, чем богатый и цветущий город восточной провинции. Такой нрав Юлиан унаследовал от своих предков. Кельты, фракийцы, пэонийцы (племя в северной Македонии) и живущие у самого Истра мисийцы сохранили в своем характере отпечаток древних добродетелей. А поскольку предки Юлиана сами были мисийцами, то и он унаследовал от них подобный склад духа. Вот какой «плохой» этот дух — чрезвычайно грубый, необщительный, неласковый, чуждающийся удовольствий, непоколебимо верный принятым решениям. Таковы признаки крайней «дикости». Антиохийцы же тоже придерживаются «отцовских обычаев» (пьянство, разврат, изнеженность, неповиновение властям), и Юлиан готов «уважать» эти обычаи. Он даже просит антиохийцев «простить» его. Ведь он из-за своей «невежественности» забыл, что перед ним находятся не кельты, не фракийцы и не иллирийцы.¹⁷

В уста жителей Антиохии Юлиан вкладывает упреки по отношению к его землякам-фракийцам и «бесчувственным» галлам, которые помогли ему стать твердым и непреклонным, как дуб или клен. Основу такого «грубого» характера (читай: истинно римского) заложил в детстве воспитатель Юлиана скиф Мардоний. По своей «дикости» Мардоний любил Гомера и Гесиода, воспитывал Юлиана в большой строгости: не разрешал смотреть постыдные театральные зрелища, воспитывал уважение к обычаям предков и властям, привил любовь к античной литературе.¹⁸

И вот «грубость» Юлиана уже сравняется с «грубостью» одного из образов римской доблести — Катона Утичского. «Варварство» Юлиана было вызвано тем, что он долгое время вел естественный образ жизни охотника, вращаясь среди «дикарей» и лесных зверей, встречая характеры, не умеющие льстить и угождать, но относящиеся ко всем одинаково просто и свободно. Его деятельность протекала среди самых воинственных и храбрых племен, где Афродиту знают только в целях брака, а дар Диониса употребляют в таком количестве, сколько каждому позволяют силы. В театрах нет бесстыдного распутства, и никто не танцует «кордакс» (пляска с огромным фаллосом, которую любили антиохийцы). Однажды к галлам приехал «знаток» подобных танцев из Антиохии и продемонстрировал свое «искусство». «Дикие» кельты, увидев сей танец, приняли «артиста» за буйнопомешанного. Юлиан подчеркивает, что именно в силу своего «варварства» и «грубости», т. е. сохранения нравов предков, они не смогли «по достоинству» оценить подобного зрелища. Суровые галлы полюбили «необразованного» Юлиана, который предпочитал чтение Гомера и Платона пьянкам и распутству. Они подняли за него оружие, снабдили деньгами. Эти люди, по мнению Юлиана, признали его храбрым, справедливым, разумным не только на войне, но и в мире.¹⁹ Собственно говоря, Юлиан наделяет «варваров»-галлов и себя самого чисто римскими доблестями (справедливостью, мужеством, мудростью, умерен-

ностью).²⁰ Фактически настоящими варварами предстают «дурные подданные» — антиохийцы.

В работах императора Юлиана «варвары» и «варварство» выступают как существенная часть политической концепции, он использует их для «улучшения» и «очищения» нравов своих сограждан. Юлиан не идеализирует общественные отношения варваров. Он лишь делает акцент на их образе жизни. Идеалом для него остается римский общественный порядок. Приводя примеры нравственной жизни варваров, Юлиан пытается побудить своих сограждан также следовать древним образцам римской доблести.

Юлиан противопоставляет свое отношение к варварской угрозе политике Констанция II. Он берет курс на военное подавление варварских народов, отказ от их подкупа, не допускает вмешательства варваров во внутренние дела Римской империи. Это не значит, что Юлиан был полностью против участия варваров в римской армии, как, например, Синезий Киренский. При нем, например, германец Невитта был магистром кавалерии. И здесь нет противоречия. Одно дело поставить романизованного варвара римским командиром, защищающим римские интересы, или варварские воинские контингенты для защиты империи и расширения ее границ. Другое дело использовать варваров как самостоятельную силу в решении внутривнутриполитических задач. Достаточно прагматичное использование варваров в четко определенных рамках (войны против внешних врагов) соответствовало конкретной обстановке того времени. Более жесткий подход был закономерным следствием успешной борьбы римлян с внешним противником. Благодаря личному знакомству с пограничными племенами, Юлиан смог лучше Констанция оценить обстановку и предложить адекватную происшедшим изменениям линию поведения.

Примечания

¹ См.: Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул. 1991. С. 53.

² Leisegang H. Plato // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1950. Bd 20. S. 2342—2537.

³ Gerke A. Aristoteles // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1898. Bd 2. S. 1012—1054.

⁴ Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима III—I вв. до н. э. М., 1977. С. 75—83.

⁵ Доватур А. И. Римский император Марк Аврелий Антонин // Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985. С. 75—83.

⁶ Julien. Oeuvres complètes / Ed. J. Bidez. Paris, 1932. T. 1; 2-e partie. Paris, 1960. T. 2; Ed. G. Rochefort. Paris, 1963. T. 2. 1-e partie; Julian. The works of the emperor Julian / Ed. by W. C. Wright. London, 1969.

⁷ Jul. Or. V. 7.

⁸ Piganiol A. L'empire chrétien. Paris, 1972. P. 142—149.

⁹ Jul. Or. V. 8.

¹⁰ Jul. Ep. 25.

¹¹ Jul. Or. V. 12.

¹² Jul. Ep. 17.

¹³ Jul. Ep. 26.

¹⁴ Jul. Ep. 8.

¹⁵ Jul. Ep. 89.

¹⁶ Тронский И. М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. 2. С. 216—217.

¹⁷ Jul. Misopog. 348—360.

¹⁸ Ibid. 352.

¹⁹ Ibid. 360.

²⁰ Утченко С. Л. Политические учения... С. 69.

A. A. Novikov

LES «BARBARES» ET LA «BARBARIE» DANS LA CONCEPTION POLITIQUE DE L'EMPEREUR JULIEN

L'empereur Julien a pris une bonne connaissance des barbares en Gaule où il faisait son service militaire. Il y a nombreuses notes de Julien sur des coutumes et sur la vie des barbares. Julien a utilisé le péril barbare dans sa lutte politique, ayant mis un accent sur son rôle du défenseur de l'empire romain et l'incapacité de son adversaire de Constance II. Julien était contre la participation des barbares dans la vie civile romaine. Il a insisté sur la politique extérieure active des romains. D'autre part, pour perfectionner les moeurs de ses sujets, Julien avait recours aux barbares. Il citait les exemples des barbares pour mettre en relief la décadence morale des antiochiens qui ne partageaient pas son programme politique et ni religieux non plus. Selon Julien, les «barbares» (ses soldats gaulois et ses ancêtres de Balkans) ont les virtualités romaines que la population d'Antioche a perdu. Julien donne l'image du barbare en qualité de sujet idéal. On trouve la conception différente des barbares chez Julien selon les circonstances et les tâches qu'il poursuit dans sa lutte.
